

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ, КАКЪ РУССКІЙ

Хочется думать сейчасъ о Россіи, объ одной Россіи и больше ни о чемъ, ни о комъ. Вопросъ о бытіи всѣхъ племенъ и языковъ, сущихъ въ Россіи (по слову Пушкина: «Всякъ сущій въ ней языкъ») есть вопросъ о бытіи самой Россіи. Хочется спросить всѣ эти племена и языки: какъ вы желаете быть,—съ Россіей или помимо нея? Если помимо, то зачѣмъ обращаетесь къ намъ, русскимъ, за помощью? А если не помимо, то забудьте въ эту страшную минуту о себѣ, только о Россіи думайте, потому что не будетъ ея—не будетъ и васъ всѣхъ: ея спасеніе—ваше, ея погибель—ваша. Хочется сказать, что нѣтъ вопроса еврейскаго, польскаго, армянскаго, грузинскаго, русинскаго и проч. и пр., а есть только русскій вопросъ.

Хочется это сказать, но нельзя. Трагедія русскаго общества въ томъ и заключается, что оно сейчасъ не имѣетъ права это сказать. Развѣ оно можетъ сказать, что благо Россіи будетъ благомъ всѣхъ «сущихъ въ ней языковъ»? Это сказать легко,—сколько разъ мы говорили,—но намъ уже не вѣрять.

Весь идеализмъ русскаго общества въ вопросахъ національных безсиленъ и потому безотвѣтственъ.

Въ еврейскомъ вопросѣ это особенно ясно.

Чего отъ насъ хотятъ евреи? Возмущенія нравственнаго, признанія того, что антисемитизмъ гнусенъ? Но это признаніе давно уже сдѣлано; это возмущеніе такъ сильно и просто, что о немъ почти нельзя говорить спокойно и разумно; можно только кричать о помощи вмѣстѣ съ евреями. Мы и кричимъ.

Но одного крика мало. И вотъ это сознаніе, что мало крика,—изнуряетъ, обезсиливаетъ. Тяжело, больно, стыдно...

Но и сквозь боль и стыдъ мы кричимъ, твердимъ, клянемся, увѣряемъ людей, не знающихъ таблицы умноженія, что $2 \times 2 = 4$, что евреи такіе же люди, какъ мы,—не враги отечества, не измѣнники, а честные русскіе граждане, любящіе Россію не меньше нашего; что антисемитизмъ—позорное клеймо на лицѣ Россіи.

Но, помимо крика, нельзя ли высказать и одну спокойную мысль.

«Юдофобство» съ «юдофильствомъ» связано. Слѣпое отрицаніе вызываетъ такое же слѣпое утвержденіе чужой національности. Когда всему въ ней говорится абсолютное «нѣтъ», то, возражая, надо всему сказать абсолютное «да».

Что значитъ «юдофилъ», по крайней мѣрѣ, сейчасъ, въ Россіи? Это значитъ человѣкъ, любящій евреевъ особой исключительной любовью, признающій въ нихъ правду большую, чѣмъ во всѣхъ другихъ національностяхъ. Такими «юдофилами» представляемся націоналистамъ, «истинно русскимъ людямъ», мы, русскіе люди, не «истинные».

— Что вы все съ евреями возитесь?—говорятъ намъ націоналисты.

Но какъ же намъ не возиться съ евреями и не только съ ними, но и съ поляками, армянами, грузинами, русинами и проч. и проч? Когда на нашихъ глазахъ когонибудь обижаютъ,—«по человѣчеству», нельзя пройти мимо, надо помочь или, по крайней мѣрѣ, надо кричать о помощи вмѣстѣ съ тѣмъ, кого обижаютъ. Это мы и дѣлаемъ, и горе намъ если мы перестанемъ это дѣлать, перестанемъ быть людьми, чтобы сдѣлаться русскими.

Цѣлый дремучій лѣсъ національныхъ вопросовъ всталъ вокругъ насъ и заслонилъ русское небо. Голоса всѣхъ сущихъ въ Россіи языковъ заглушили русскій языкъ. И неизбѣжно и праведно. Намъ плохо, а имъ еще хуже; у насъ болитъ, а у нихъ еще сильнѣе. И мы должны забывать себя для нихъ.

И вотъ почему мы говоримъ націоналистамъ:

— Перестаньте угнетать чужія національности, чтобы мы имѣли право быть русскими, чтобы мы могли показать свое національное лицо съ достоинствомъ, какъ лицо человѣческое, а не звѣриное.

Возьму примѣръ на-удачу.

Еврейскій вопросъ имѣетъ сторону не только національную, но и религіозную. Между іудействомъ и христіанствомъ существуютъ, какъ между двумя полюсами, глубокія притяженія и столь же глубокія отталкиванія. Христіанство вышло изъ іудейства, Новый Завѣтъ—изъ Ветхаго. Апостолъ Павелъ, который больше всѣхъ боролся съ іудействомъ, желалъ *«быть отлученнымъ отъ Христа за своихъ братьевъ по плоти»*. т. е. за іудеевъ. И самъ Христосъ—іудей по плоти. Кошунство надъ іудействомъ—кошунство надъ Плотью Христовой.

О притяженіяхъ говорить можно, а объ отталкиваніяхъ нельзя. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, спорить съ тѣмъ, кто не имѣетъ голоса. Безправіе евреевъ—безмолвіе христіанъ. Внѣшнее насиліе надъ ними—внутреннее насиліе надъ нами. Намъ нельзя отдѣлять христіанства отъ іудейства, потому что это значить, какъ выразился одинъ еврей, проводить «новую духовную черту осѣдлости». Уничтожьте сперва черту матеріальную, и тогда можно будетъ говорить о духовной. А пока это не сдѣлано, правда христіанства предъ лицомъ іудейства остается тиетною.

Почему сейчасъ, во время войны, такъ заболѣлъ еврейскій вопросъ? Потому же, почему заболѣли и всѣ вопросы національные.

«Освободительной» назвали мы эту войну. Мы начали ее, чтобы освободить дальнихъ. Мы любимъ дальнихъ. Почему же ненавидимъ близкихъ? Внѣ Россіи любимъ, а внутри—ненавидимъ. Жалѣемъ всѣхъ, а къ евреямъ безжалостны.

Вотъ они умираютъ за насъ на поляхъ сраженій, любятъ насъ, ненавидящихъ, а мы ненавидимъ любящихъ.

Если мы будемъ такъ поступать, намъ перестанутъ вѣрить, намъ скажутъ народы:

— Вы умѣете любить только издали. Вы лжете.

А мы, вѣдь, надѣялись, что наша сила въ правдѣ. Мы хотѣли правдою побѣдить силу. Если все еще хотимъ, то не будемъ лгать, ослаблять ложью правды нашей, силы побѣждающей.

Нѣмцы говорятъ: война за міръ, за власть надъ міромъ, — и такъ и дѣлаютъ. А мы говоримъ: война за миръ, за примиреніе, освобожденіе міра, — и намъ слѣдуетъ дѣлать такъ, какъ мы говоримъ. Въ словѣ «міръ» нѣмцы ставятъ точку на і. Неужели же все наше отличіе отъ нихъ только въ томъ, что мы точки на і не ставимъ? На русскомъ языкѣ «миръ» и «міръ» звучатъ одинаково: тѣмъ болѣе намъ нужно не языкомъ, а сердцемъ отличить себя отъ нашихъ враговъ, сдѣлать такъ, чтобы народы поняли, за что мы воюемъ, за власть надъ міромъ или за освобожденіе міра.

Начнемъ же это дѣлать съ евреевъ.

Но пусть не забываютъ народы угнетенные, что свободу можетъ имъ дать только свободный русскій народъ.

Пусть не забываютъ евреи, что вопросъ еврейскій есть русскій вопросъ.

В. С. СОЛОВЬЕВЪ

(Рѣчь, сказанная 14 ноября 1916 года на вечерѣ въ память В. С. Соловьева)

Почему сейчас поминки по В. С. Соловьевъ своевременны?

Борьба съ націонализмомъ—этими двумя словами можно опредѣлить его религіозно-общественную дѣятельность. Но, кажется, онъ самъ не понималъ всего значенія этой борьбы или, по крайней мѣрѣ, не умѣлъ сказать о немъ, какъ слѣдуетъ—тутъ косноязычіе, нѣмота его пророческая.

Онъ вѣрно предчувствовалъ, что отъ преодоленія русскаго націонализма зависятъ судьбы Россіи.

О Русь, въ предвидѣнны высокомъ
Ты мыслью гордой занята;
Какимъ ты хочешь быть Востокомъ—
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

Страшный вопросъ. Конечно, быть востокомъ Ксеркса, отрекшись отъ Христа,—не лучше, а можетъ быть, и хуже, чѣмъ совсѣмъ не быть. Но мы теперь начинаемъ понимать нѣчто еще болѣе страшное, а именно, что вопросъ о націонализмѣ, о нечестивомъ утвержденіи своего народа, какъ абсолюта, какъ Бога, есть вопросъ не только о томъ, быть или не быть Россіи, но и о томъ, быть или не быть всей Европѣ, всему человѣчеству.

Нынѣшняя война именно такъ ставитъ вопросъ.

Это война небывалая, единственная во всемирной исторіи. Всѣ прежнія войны, по сравненію съ этою, кажутся частными, условными, относительными, — какъ бы даже вовсе не войнами. Это, въ сущности, первая война,—мы не смѣемъ сказать: и послѣдняя,—но, во всякомъ случаѣ,

первая, безусловная, всеобщая, окончательная или безконечная,—*абсолютная*.

Абсолютная война—плодъ абсолютнаго націонализма. Мы утѣшаемся тѣмъ, что абсолютный націонализмъ — свойство нашихъ враговъ, а не наше. Пусть нашъ націонализмъ меньшій, условный, относительный. Но нельзя побѣдить большаго меньшимъ, абсолютнаго относительнымъ. Можно побѣдить ложный абсолютъ націонализма, только противопоставивъ ему абсолютъ истинный, т.-е. ограничивъ идею націи какою-либо другою идеей высшею. Какая же идея выше націи?

До войны мы сказали бы съ легкостью: идея чело-вѣчества. Теперь мы этого не скажемъ или, по крайней мѣрѣ, скажемъ не съ прежнею легкостью.

Только теперь, на страшномъ опытѣ войны, мы узнали, какая кровавая тяжесть въ идеѣ націи. Можно сказать, что эта идея наливается всею кровью, льющеюся на поляхъ сраженій, а идея чело-вѣчества тою же кровью обезкровлена. Можно сказать, что ни одна изъ идей такъ сейчасъ не поругана, не растоптана, не задавлена, не убита, какъ идея чело-вѣчества! что сейчасъ идея націи самая живая, огненная, нужная и понятная всѣмъ, а идея чело-вѣчества—самая отвлеченная, холодная, мертвая, никому ненужная и непонятная. Милліоны людей умираютъ за идею національную, за отечество, а за идею всемірную, за чело-вѣчество кто умираетъ сейчасъ? И если даже такіе люди есть, то мы о нихъ говоримъ: «чудаки, безумцы, мечтатели»!

Вотъ—русскіе, нѣмцы, французы, англичане,—и все это люди. Люди на словахъ, а на дѣлѣ —человѣкъ чело-вѣку звѣрь? Нѣтъ, не звѣрь, а дьяволъ.

Если мы этого не хотимъ, не хотимъ абсолютной, безконечной войны—самоистребленія чело-вѣческаго рода, то мы должны вспомнить, что мертвая нынѣ идея чело-вѣчества была живою; мы должны вѣрить, что она будетъ живою.

Вл. Соловьевъ это помнилъ, въ это вѣрилъ, какъ никто:

только объ этомъ всѣ его слова и нѣмая пророчества. Онъ зналъ, какъ никто, что абсолютнаго націонализма нельзя преодолѣть ничѣмъ, кромѣ *абсолютнаго человѣчества*. Но идея челоѣчества остается отвлеченною, идеальною, безжизненною и бездѣйственною, если она не воплотилась въ дѣйствительности, хотя бы въ одной точкѣ, въ одной личности, въ одномъ Абсолютномъ Человѣкѣ. Такой Абсолютный Человѣкъ—Богочеловѣкъ Христосъ. Отъ Богочеловѣка къ богочеловѣчеству—вотъ главная религіозная мысль Соловьева.

Л. Толстой противоположенъ Соловьеву во многомъ, между прочимъ, и въ отношеніи къ войнѣ.

Толстой отрицаетъ войну, какъ и всякое насиліе, всякое «противленіе злу», и это отрицаніе истинно, праведно, свято, но одиноко, лично, безобщественно, а потому преждевременно, нереально, бездѣйственно. Чтобы такъ отрицать войну, какъ онъ, надо быть имъ,—но онъ одинъ.

Вл. Соловьевъ не утверждаетъ и не оправдываетъ войны (утвердить и оправдывать ее нельзя), но принимаетъ ее, смиряется, *снижается* до нея вмѣстѣ со всѣми, для того, чтобы изжить ее до конца, преодолѣть изнутри, точно такъ же, какъ онъ принимаетъ весь процессъ всемірно-историческій, который преодолѣваетъ, изживаетъ себя до конца—до царства Божьяго.

Л. Толстой такъ противоположенъ, враждебенъ Соловьеву, что иногда кажется ему «антихристомъ». А между тѣмъ въ этомъ, въ главномъ—въ идеѣ или, вѣрнѣе, въ *чувствѣ всемірности* они поразительно сходятся. И Достоевскій, злѣйшій націоналистъ въ минуты затмений,—въ иныя минуты (напр., въ своей знаменитой рѣчи о Пушкинѣ) прямо утверждаетъ, что «быть русскимъ, значить, быть всечеловѣкомъ». Пушкинъ *«перевоплощается»* въ другія націи художественно, Вл. Соловьевъ и Толстой—религіозно. Эта способность къ перевоплощеніямъ, переселеніямъ души изъ одного національнаго тѣла въ другое—вовсе не только идеальная возможность, но и самая реальная дѣйствитель-

ность,—какъ бы явленіе той «новой твари», о которой говоритъ апостоль Павелъ,—новое рожденіе, вхожденіе въ иную плоть и кровь. Когда Соловьевъ защищаетъ евреевъ или поляковъ, кажется, что онъ самъ становится полякомъ и евреемъ («ожидовѣлъ», «ополячился»)—бранятся непонимающіе люди); онъ для нихъ весь родной, «кровный», а для насъ по-прежнему русскій,—еще болѣе русскій, чѣмъ прежде. И Л. Толстой для самыхъ далекихъ, чуждыхъ народовъ—такой же кровный. Тутъ уже не только метафизика, но и фізіологія: какъ въ шарикахъ крови есть что то, отличающее желтую расу отъ бѣлой, такъ, можетъ быть и здѣсь, въ самомъ составѣ крови происходитъ зачатіе какой-то новой расы всечеловѣческой.

Это чудо перевоплощенія, чудо всемірности есть русское чудо по преимуществу, особый даръ Божій, великій и страшный. Можно бы сказать, что національное призваніе Россіи заключается въ преодолѣніи національности, въ достиженіи всечеловѣчности. Хотимъ или не хотимъ, намъ отъ этого не отдѣлаться. И всемірною войною задача русской всемірности поставлена такъ, какъ еще никогда.

О Русь! въ предвидѣнны высокомъ
Ты мыслью гордой занята;
Какимъ ты хочешь быть Востокомъ—
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

Россіи надо отвѣтить на этотъ вопросъ. И вовсе не радость, не гордость наша, а ужасъ въ томъ, что, кажется, мы одни понимаемъ, какъ слѣдуетъ, что быть со Христомъ или противъ Христа, значитъ, быть или не быть не только намъ, но и всему человѣчеству.

Если Христа не было, то не будетъ конца абсолютному націонализму, абсолютной войнѣ,—и міръ погибъ, и мы уже видимъ начало этой гибели. Но Христосъ былъ,—и міръ спасенъ, и мы уже видимъ, или скоро увидимъ, начало спасенія. Вотъ что въ наши дни могъ бы сказать Вл. Соловьевъ.

Онъ принималъ войну вообще. И эту войну принялъ бы. Сказалъ бы, какъ мы говоримъ: ужасная, проклятая война, а все-таки надо воевать до конца. Но онъ имѣлъ бы право сказать и то, что многіе сейчасъ говорятъ безъ всякаго права: надо воевать до конца, потому что конецъ этой войны—конецъ всѣхъ войнъ.

Сказать вмѣстѣ съ Соловьевымъ: да будетъ абсолютное человѣчество, Богочеловѣчество,—и значитъ сказать: да будетъ эта война концомъ всѣхъ войнъ, да будетъ вѣчный миръ.

Это сказать сейчасъ нужнѣе, чѣмъ когда либо, и вотъ почему своевременнѣе, чѣмъ когда-либо, наши поминки по Соловьеву.

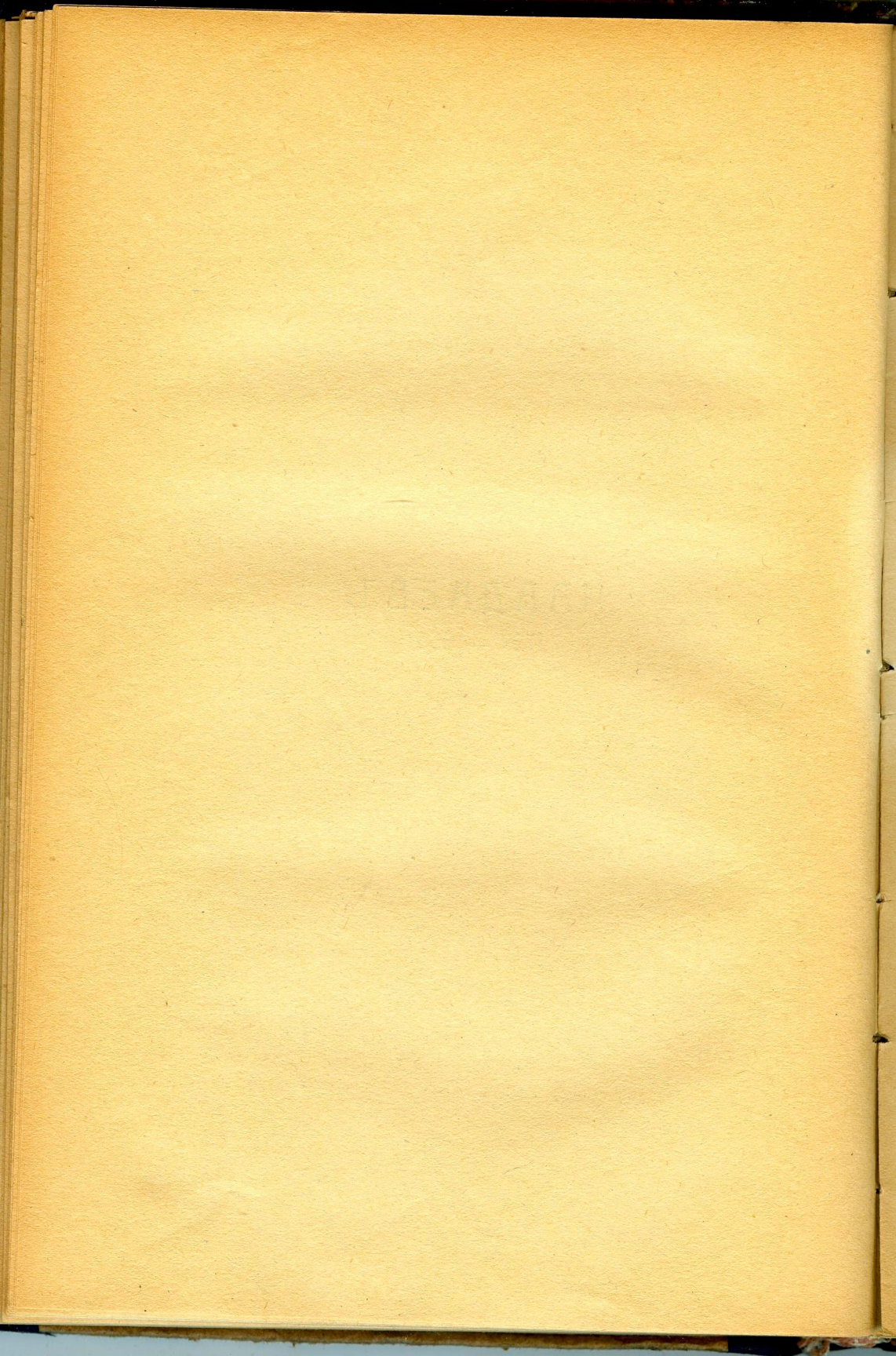

ЧААДАЕВЪ

1794 — 1856

I.

Adveniat regnum tuum.

Въ прошломъ году исполнилось стодвадцатилѣтіе со дня рожденія Петра Яковлевича Чаадаева (1794—1914),— и никто объ этомъ не вспомнилъ; въ будущемъ году исполнится шестидесятилѣтіе со дня его смерти (1856—1916), и, никто, вѣроятно, не вспомнитъ. Хотя у насъ теперь столько годовщинъ, сколько на кладбищѣ памятниковъ, но Чаадаевъ забытъ: на такихъ людей память у насъ коротка.

«Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь; толкнуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или томъ, что его не будетъ — все равно, надобно было проснуться». Такъ описываетъ Герценъ впечатлѣніе отъ «Философическаго Письма» Чаадаева (1836).

«Никогда съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали писать и читать, никакое литературное или ученое событіе не производило такого огромнаго вліянія, не разносилось съ такою скоростью и съ такимъ шумомъ», — замѣчаетъ другой современникъ (Жихаревъ) о томъ же «Письмѣ».

Это — «мечь», «выстраданное проклятіе» Россіи. «Оставьте всѣ надежды». Россія гибнетъ. Ея прошедшее пусто, настоящее невыносимо, а будущаго вовсе нѣтъ.

Вся она — «только пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ, данный народамъ — до чего отчужденіе и рабство могутъ довести».

Такъ понялъ Герценъ Чаадаева; такъ поняли всѣ — славянофилы и западники, либералы и консерваторы, умные и глупые, честные и подлые.

Поднялась «ужасная суматоха», какъ въ разрытомъ палкой муравейникѣ. «Все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія къ человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію».

«Письмо Чаадаева не что иное, какъ отрицаніе той Россіи, которую съ подлинника списалъ Карамзинъ» (кн. Вяземскій). — «Чаадаевъ излилъ на свое отечество такую ужасную ненависть, которая могла быть внушена ему только адскими силами» (Татищевъ). — «Обожаемую мать обругали, ударили по щекѣ»... (Вигель). — «Тутъ бой рукопашный за свою кровь, за прахъ отцовъ, за все свое и за всѣхъ своихъ... Это верхъ безумія... За это сажаютъ въ желтый домъ» (кн. Вяземскій).

Взывали къ митрополиту Серафиму, дабы онъ обратилъ вниманіе на «богомерзкое письмо», гдѣ изрыгаются «дерзостныя хулы на вѣру и отечество». Студенты Московскаго университета выражали попечителю, гр. Строганову, желаніе «съ оружіемъ въ рукахъ вступить за оскорбленную Россію». — Мало было Сибири, каторги, кнута, крѣпости, чтобы достойно покарать измѣнника своему Богу и своему отечеству» (Маркизь дѣ-Кюстинъ).

Не понялъ Чаадаева и проницательнѣйшій изъ русскихъ людей, Пушкинъ. «Клянусь вамъ честью, я не хотѣлъ бы имѣть другое отечество, ни другую исторію, чѣмъ тѣ, которыя далъ намъ Богъ». Какъ будто Чаадаевъ хотѣлъ имѣть другое отечество!

«Повѣрьте, я больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ люблю свое отечество... Но я не умѣю любить — съ закрытыми глазами, съ опущенной головой, съ нѣмыми устами... Я думаю, что прежде всего мы обязаны отечеству истиной», —

отвѣтилъ онъ (въ «Апологіи Сумасшедшаго») всѣмъ своимъ обвинителямъ, въ томъ числѣ и Пушкину.

«Прошлое Россіи было удивительно, настоящее болѣе, чѣмъ великолѣпно, а будущее превзойдетъ все, что можетъ себѣ представить воображеніе самое смѣлое: вотъ съ какой точки зрѣнія должно разсматривать и писать русскую исторію», — говаривалъ гр. Бенкендорфъ, шефъ Николаевскихъ жандармовъ. Разумѣется, не такъ любилъ Россію Чаадаевъ.

Императоръ Николай Павловичъ на «Философическомъ Письмѣ» положилъ резолюцію: «Прочитавъ статью, нахожу, что содержаніе оной—смѣсь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишеннаго».

Вспомнили, что Чаадаевъ принадлежалъ къ «Союзу Благоденствія» и, можетъ быть, къ «Тайному Обществу» 14 декабря, заподозрили связь «Письма» съ какою-то «политическою сектою», чуть не цѣлымъ заговоромъ.

Нарядили слѣдственную комиссію, и, хотя никакого заговора не открыли, но съ виновными расправились жестоко, даже по тому времени: журналъ «Телескопъ», гдѣ напечатано «Письмо», запрещенъ, редакторъ Надеждинъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, цензоръ Болдыревъ отрѣшенъ отъ должности, а Чаадаевъ объявленъ, по высочайшему повелѣнію, «сумасшедшимъ», о чемъ посланъ указъ московскому военному генераль-губернатору.

Такъ повторилась исторія Чацкого—«горе отъ ума». И никого не удивила эта небывалая *казнь сумасшествіемъ*.

Только по особой милости не посадили Чаадаева въ сумасшедшій домъ, а отдали подъ «медико-полицейскій надзоръ».

Онъ былъ мудрецъ, но не мученикъ. Какъ это часто бываетъ съ людьми смѣлыми въ мысляхъ, онъ оказался робкимъ на дѣлѣ. Въ первыя минуты храбрился, объявилъ, что «не отрекается отъ своихъ мыслей и готовъ ихъ подписать кровью»,—но потомъ не выдержалъ.

«Прочтя предписаніе (о своемъ сумасшествіи),—доносилъ Бенкендорфу начальникъ московскаго корпуса жан-

дармовъ, — онъ смутился, чрезвычайно поблѣднѣлъ, слезы брызнули изъ глазъ, и не могъ выговорить ни слова. Наконецъ, собравшись съ силами, трепещущимъ голосомъ сказалъ: «Справедливо, совершенно справедливо!» И тутъ же назвалъ свои письма «сумасбродными, скверными».

«Чаадаевъ сильно потрясенъ постигшимъ его наказаніемъ, — сообщалъ А. И. Тургеневъ, — сидитъ дома, похудѣлъ вдругъ страшно, и какія-то пятна на лицѣ... Боюсь, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ не помѣшался».

«Я долженъ видѣть у себя ежедневно господъ медиковъ *ex officio* меня навѣщающихъ, — вспоминалъ самъ Чаадаевъ. — Одинъ изъ нихъ, пьяный штабъ-лекаръ, долго ругался надо мною самымъ наглымъ образомъ».

(Этотъ пьяный штабъ-лекаръ, ругающійся надъ сумасшедшимъ философомъ — не вѣчный ли символъ русскаго просвѣщенія?)

«Развязки пока не предвижу, да и признаться, не разумѣю, какая тутъ можетъ быть развязка. Сказать чело-вѣку: «ты съ ума сошелъ» — не мудрено; но какъ сказать ему: «ты теперь въ полномъ разумѣ»?... Земная твердость бытія моего поколеблена навѣки».

Черезъ годъ надзоръ былъ снятъ, подъ условіемъ «не смѣть ничего писать».

II.

Чаадаевъ не помѣшался, но существованіе его было «опрокинуто»: никогда уже не могъ онъ оправиться: замкнулся въ себѣ, ушелъ въ свою скорлупу, застылъ, окаменѣлъ, — какъ бы умеръ за-живо, и остальные двадцать лѣтъ жизни провелъ въ Москвѣ — «Некрополисѣ», Городѣ Мертвыхъ, — какъ мертвый.

Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ...

— «Моя смѣшная жизнь... Всегда въ самомъ печальномъ бываетъ смѣшное», — говаривалъ онъ съ горькой

улыбкою. Казнь сумасшествіемъ — казнь смѣхомъ — это клеймо осталось на немъ. «Басманный мудрецъ», «плѣшивый лжепророкъ», «дамскій философъ», «старыхъ барынь духовникъ, маленькій аббатикъ».

Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ оханьемъ и пискомъ;
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
«Dominus vobiscum!»

Онъ человѣкъ своего времени — отставной лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабъ-ротмистръ, русскій баринъ-помѣщикъ (хотя и продалъ свое имѣніе, чтобы не владѣть «рабами»), избалованный, изнѣженный, лѣнивый и праздный, весь въ долгу, какъ въ шелку.

Смолоду красавецъ и щеголь, до конца дней чрезмѣрно заботится о своей наружности. «Совершенная кокетка: по часамъ просиживалъ за туалетомъ, чистилъ роги, ногти, притирался, мылся, ходилъ, прыскался духами».

Мнителенъ, какъ всѣ ипохондрики (въ молодости лѣчился отъ «гипохондрии», какъ отъ настоящей болѣзни). Боялся холеры до смѣшного. «Мнѣ все кажется, что онъ немного тронулся... Деликатно хочу напомнить ему, что можно и должно менѣе обращать на себя и на das liebe Ich вниманія, [менѣе ухаживать за собою, не повязывать пять галстуховъ въ утро, менѣе холить свои ногти, и зубы, и свой желудокъ... Тогда и холеры и гемороя менѣе будемъ бояться» (А. И. Тургеневъ).

Дѣтски-тщеславенъ и суетенъ. Любитъ, чтобъ «вся Москва» вельможно-вольно-думная съѣзжалась на его понедѣльники. «Онъ принималъ посѣтителей, сидя на возвышенномъ мѣстѣ, подъ двумя лавровыми деревьями въ кадкахъ; справа находился портретъ Наполеона, слѣва — Байрона, а напротивъ — его собственный, въ видѣ скованнаго генія» (Вигель). По этой карриатурѣ, не столько злой, сколько злобной, можно судить, какія легенды ходили о немъ.

Съ годами все больше опускался, погружался въ «обломовщину». Зиму и лѣто проводилъ безвыѣздно въ своей

квартирѣ на Новой Басманной, въ одномъ изъ флигелей дома Левашовой (въ другомъ флигелѣ жилъ М. Бакунинъ и часто бывалъ у сосѣда). За тридцать лѣтъ ни разу не ночевалъ за городомъ. Все не могъ собраться перекрасить у себя полы и стѣны, поправить печи. Домъ разрушался отъ ветхости, пугая своимъ косымъ видомъ хозяина и его посѣтителей.

Почти никуда не выходилъ. «Выхожу только для того, чтобы найти минуту забвенія въ тупой дремотѣ англійскаго клуба» (1845).

До какого малодушія онъ способенъ былъ доходить, видно по исторіи съ Герценомъ. Когда въ одной изъ своихъ заграничныхъ книгъ («О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи», Парижъ 1851), Герценъ упомянулъ о Чаадаевѣ, тотъ перепугался не на шутку, написалъ по начальству унижительное оправданіе, называя сочувственный отзывъ Герцена «наглою клеветой», а въ то же время самого Герцена благодарилъ и клялся ему въ вѣчной любви. Когда-же кто-то удивился этой «безполезной низости» (*bassesse gratuite*) Чаадаевъ, подумавъ немного, сказалъ:

— «Надо, мой милый, беречь свою шкуру» (*Mon cher, on tient à sa peau*).

Конечно, все сознавалъ съ неумолимою ясностью, какъ человѣкъ въ летаргическомъ снѣ, когда его хоронятъ за-живо. Судилъ себя страшнымъ судомъ: «Я себя разглядѣлъ и вижу, что никуда не гожусь... Но неужто и жалости не стою?»

Съ виду былъ спокоенъ, сдержанъ, вѣжливъ и холоденъ,—«точно замороженъ». Какъ посторонній наблюдатель, смотрѣлъ на бѣгущія мимо дѣла и лица съ «язвительнымъ снисхожденіемъ».

— «Что бы намъ ни готовило будущее, скрестимъ руки на груди и будемъ ждать».

Только иногда вырывается у него крикъ отчаянія:

— «Мы затопили у себя курную избу, сидимъ въ дыму—зги Божьей не видать»...

— «Величайшая глупость—надѣяться на что-то, сидя въ гнилой трясинѣ, въ которую каждое движеніе все больше погружаетъ» ..

Страдалъ неимовѣрно. «Бывали минуты, когда я не зналъ, что со мною будетъ, и помышлялъ невольно о самоубійствѣ».

Такъ тихо замученъ, задушенъ этотъ «сумасшедшій мудрецъ».

Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ Периклесь...

Шеллингъ называлъ его «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени». Пушкинъ считалъ своимъ спасителемъ:

Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой.

«Никогда я тебя не забуду. Твоя дружба замѣнила мнѣ счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя» (Кишиневскій дневникъ. 1821).

И теперь, почти ровно черезъ восемьдесятъ лѣтъ (тоже годовщина: 1836—1916) стоитъ перечестъ «Философическое Письмо»—эти двадцать страничекъ, которыя, подобно стихамъ Пушкина, не умрутъ, пока жива Россія,—чтобы убѣдиться, что Чаадаевъ—одно изъ величайшихъ явленій русскаго духа.

Что-то было въ самой наружности его, что «производило необыкновенное впечатлѣніе даже на дѣтей».

Высокъ ростомъ, худощавъ, строенъ; всегда безукоризненно одѣтъ. «Блѣдное, нѣжное лицо совершенно неподвижно, когда онъ молчитъ, какъ будто изъ воску или мрамора»; «чело, какъ черепъ голый»; женственно-тонкія губы улыбаются насмѣшливо, а сѣро-голубые глаза смотрятъ съ добротою печальною: «Лучше всего на свѣтѣ доброта»,—говаривалъ онъ.

Женщины поклоняются ему. Кажется, только онѣ и знаютъ его, какъ слѣдуетъ.

«Провидѣніе вручило вамъ свѣтъ, слишкомъ яркій, слишкомъ ослѣпительный для нашихъ потемокъ... какъ бы

Фаворское сіяніе, заставляющее людей падать лицомъ на землю»,—писала ему одна изъ нихъ.—«Я хочу просить вашего благословенія... Мнѣ было бы такъ отрадно принять его отъ васъ, колѣнопреклоненной... Не удивляйтесь и не отрекайтесь отъ моего глубокаго благоговѣнія, — вы не властны уменьшить его»,—писала другая—Авдотья Сергѣевна Норова. Нераздѣленная любовь къ нему свела ее въ могилу. Но двадцать лѣтъ спустя, онъ вспомнилъ объ этой любви и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ Норовой.

Кажется, никогда не любилъ женщины. Подобно многимъ русскимъ романтикамъ 20—30-хъ годовъ—Станкевичу, Константину Аксакову, Михаилу Бакунину—былъ природенный дѣвственникъ. «Рыцарь бѣдный».

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.
Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ...

Какое же это видѣніе?

III.

«Всегда человѣчество, въ цѣломъ своемъ, стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей». (Достоевскій).

Всемірность—вотъ главная и, въ сущности, единственная мысль Чаадаева. «У меня только одна мысль. Если бы въ умѣ моемъ случайно оказались другія,—то онѣ, конечно, прилѣпились бы къ этой одной». Но тутъ не только мысль, — а мысль, чувство и воля вмѣстѣ, — все существо его, вся его «энтелехія», какъ сказалъ бы Гете,—то «ви-

дѣніе, непостижное уму», отъ котораго онъ «сгорѣлъ душою».

Не понявъ этого, ничего нельзя понять въ Чаадаевѣ. «Философическое Письмо» — только отрывокъ, обломокъ огромнаго зданія. Политическій выводъ — безъ религіозной посылки; но, не зная посылки, нельзя понять выводъ. Отрицаніе — безъ утвержденія; но, не зная утвержденія, нельзя понять отрицаніе. Тутъ глубина сомнѣнія — отъ глубины вѣры; но сомнѣніе показано, а вѣра спрятана. Страшную силу удара почувствовали всѣ, но меча и руки, наносившихъ ударъ, никто не увидѣлъ. Всѣ услышали «выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь», но кто, и въ кого, и зачѣмъ стрѣляетъ, — такъ и не поняли. Вотъ почему настоящій смыслъ «Письма» остался неразгаданнымъ.

Смыслъ его таковъ.

Церковь римско-католическая наиболѣе изъ всѣхъ церквей обладаетъ религіознымъ сознаніемъ всемірности, религіозною волею ко всемірности: недаромъ «католичество» и значитъ «всемирность». Въ теченіе пятнадцати вѣковъ народы Запада подъ сѣнью римской церкви жили одною жизнью, какъ члены одной семьи. Помогали другъ другу, другъ друга поддерживали и влекли на одномъ пути къ одной цѣли. Благодаря этимъ общимъ усиліямъ, опередили они всѣ остальные народы. Руководимые церковью, въ поискахъ «Царства Божьяго», нашли *попутно* всѣ блага земныя — науку, искусство, гражданственность. И такъ былъ силенъ этотъ первый толчокъ, что онъ и донинѣ двигаетъ народы, какъ всемірное тяготѣніе двигаетъ планеты вокругъ солнца.

Россія одна не участвуетъ въ общемъ движеніи. Христіанство, «воспринятое изъ зараженнаго источника, изъ растлѣнной, падшей Византіи, отказавшейся отъ единства церковнаго», уединило Россію, исторгло ее изъ тяготѣнія всемірнаго, бросило въ пустое пространство, какъ метеоръ блуждающій.

Римская церковь въ тысячелѣтней борьбѣ съ римскою имперіей, утвердила свободу свою отъ власти мірской, отъ

государства, — и свобода церкви сдѣлалась источникомъ всѣхъ гражданскихъ свободъ: «всѣ политическія революціи Запада въ сущности—революціи духовныя».

Русская церковь поработилась государству, — и рабство церкви сдѣлалось источникомъ всѣхъ нашихъ рабствъ. Русское соціальное развитіе—единственное во всемірной исторіи, въ которомъ все съ самаго начала стремится къ порабощенію личности и общества.

Вотъ почему у насъ нѣтъ исторіи въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Стоя какъ бы внѣ времени, мы лишены чувства всемірно-исторической *непрерывности*. «Мы живемъ однимъ настоящимъ въ самыхъ тѣсныхъ его предѣлахъ, безъ прошлаго и будущаго, среди мертваго застоя... Мы такъ странно движемся во времени, что съ каждымъ слѣдующимъ мигомъ мигъ предыдущій исчезаетъ для насъ безвозвратно».

«Вотъ почему одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили его... Мы взяли все у другихъ и все исказили... Ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почвѣ нашей родины; ни одна великая истина не вышла изъ нашей среды». — «И кто скажетъ, когда, наконецъ, мы обрѣтемъ себя среди человѣчества, и сколько бѣдъ намъ суждено испытать, прежде чѣмъ исполнится наше призваніе?»

Таково отрицаніе Чаадаева, услышанная всѣми «отходная» Россіи; а вотъ и утвержденіе, воскрешающій зовъ, никѣмъ не услышанный: «Пока изъ нашихъ устъ, помимо нашей воли, не вырвется признаніе во всѣхъ ошибкахъ нашихъ прошлаго; пока изъ нашихъ нѣдръ не исторгнется крикъ боли и раскаянія, отзвукъ котораго наполнить міръ», — мы не увидимъ спасенія.

Не проклятіе и гибель Россіи, а покаяніе и спасеніе, — таковъ настоящій смыслъ «Письма» и всѣхъ вообще писаній Чаадаева. Это—гласъ Предтечи, гласъ вопіющаго въ пустынь: покайтесь, приготовьте путь Господу.

У насъ нѣтъ прошлаго, зато въ настоящемъ — два огромныхъ преимущества: первое — неопытность, нетрону-

тость, дѣвственность души («открытый листъ бѣлой бумаги, на которомъ ничего не написано», по выраженію Мицкевича); второе — возможность использовать опытъ нашихъ старшихъ братьевъ—народовъ Европейскаго Запада.

Позади насъ пустота. Но эта пустота *можетъ быть* свободою. «Русскій человѣкъ—самый свободный человѣкъ въ мірѣ»—въ возможности.

«Мы — огромная *внезапность* (spontanéité) безъ внутренней связи съ прошлымъ, безъ прямой связи съ настоящимъ». Путь Запада—постепенное развитіе, путь *эволюціонный*, нашъ—*революціонный*, потому что, въ противоположность Западу, мы только и дѣлаемъ, что разрываемъ съ прошлымъ.

Россія прежде всѣхъ другихъ народовъ призвана осуществить обѣтованія христіанства. Мы еще не начинали жить. Но «настанетъ день, когда мы займемъ въ духовной жизни Европы такое же мѣсто, какое занимаемъ сейчасъ въ ея жизни политической, и здѣсь наше вліяніе будетъ еще несравненно могущественнѣе, чѣмъ тамъ. Таковъ естественный плодъ нашего долгаго уединенія, ибо все великое зрѣетъ въ одиночествѣ и въ молчаніи».

Сила Западной церкви — въ расширеніи, во внѣшнемъ, общественномъ, социальномъ дѣланіи; сила церкви Восточной — въ углубленіи, въ дѣланіи личномъ, внутреннемъ (аскетическомъ подвигѣ). Но это—двѣ половины одинаго цѣлаго. Мы должны соединить религіозную правду личную съ религіозной правдой общественною, ибо только въ этомъ соединеніи полнота христіанской истины. А въ осуществленіи этой полноты и заключается наше призваніе вселенское.

IV.

О Чаадаевѣ съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ о комъ-либо другомъ, можно сказать: тонъ дѣлаетъ музыку. Мысли его легко передать, но не передаваемъ ихъ тонъ — *звукъ все-*

мірности. До него никто въ Россіи не говорилъ такимъ всемірнымъ голосомъ. Тутъ впервые загорается всемірно-историческое сознаніе Россіи; впервые дается всемірно-историческій разрѣзъ національнаго русскаго духа. Тутъ русская рѣка впадаетъ въ океанъ всечеловѣческой.

Да, своимъ обвинителямъ, славянофиламъ, Чаадаевъ имѣлъ право сказать: «я больше, чѣмъ кто либо изъ васъ, люблю мое отечество». Они любятъ прошлое и хотятъ сдѣлать его настоящимъ и будущимъ. Это значитъ мало любить Россію, мало вѣрить въ нее. Чаадаевъ любитъ будущую Россію и вѣрить въ нее такъ, какъ до него никто не любилъ и не вѣрилъ.

«Прекрасная вещь любовь къ родинѣ, но есть еще нѣчто болѣе прекрасное — любовь къ истинѣ. *Не черезъ родину, а черезъ истину ведетъ путь на небо*». Что истина христіанства не національна, а всемірна, — это — общее мѣсто — въ отвлеченности; но въ дѣйствіи новизна необычайная, острота невыносимая. Страшныя силы націонализма топчутъ всемірность христіанства, какъ степную траву топчетъ конь Атиллы: гдѣ прошелъ этотъ конь, тамъ трава не растетъ. Вотъ противъ этой-то страшной силы и возстаетъ Чаадаевъ.

Это величайшее изъ всѣхъ возстаній человѣческихъ. И не понимающій религіозной глубины Чаадаева, Герценъ все-таки правъ, когда вписываетъ имя его въ русскій революціонный синодикъ. И неправы новѣйшіе изслѣдователи, когда стараются это имя оттуда вычеркнуть.

Пусть для самого Чаадаева политика — въ чужомъ пиру похмелѣ; пусть малодушно увѣряетъ онъ, что 14 декабря — «огромное несчастье, отбросившее Россію на полъ-вѣка назадъ», — онъ все-таки учитель и пророкъ Декабрьскаго возстанія.

Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Во всякомъ случаѣ, имя Чаадаева съ этихъ обломковъ никто не сотретъ.

V.

«Недавно міръ жилъ въ спокойной увѣренности въ своемъ настоящемъ и будущемъ... Въ этомъ счастливомъ мірѣ всего міра, въ этомъ будущемъ я обрѣталъ мой собственный міръ, видѣлъ мое собственное будущее. И вдругъ случилась глупость одного человѣка... И вотъ спокойствіе, міръ, будущее—все разлетѣлось прахомъ... У меня, я чувствую, слезы навертываются на глаза, когда я смотрю на это великое бѣдствіе стараго, моего стараго общества. Это всеобщее горе, обрушившееся столь внезапно на *мою Европу*, усугубило мое личное горе»,—писалъ Чаадаевъ Пушкину по поводу Іюльской революціи 1831 г.

«Моя Европа»,—этого никто изъ русскихъ и, можетъ быть, даже никто изъ европейцевъ не говорилъ такъ, какъ Чаадаевъ. «У насъ двѣ родины—наша Русь и Европа» (Достоевскій). Нѣтъ, не двѣ, а одна. Одна земля—«земля ничья—земля Божья»,—это чувство всемірности—русское народное чувство по преимуществу.

Славянофиламъ, ученикамъ нѣмца Гегеля, Чаадаевъ кажется измѣнникомъ Россіи, какимъ-то чужеземнымъ «оборотнемъ». Но, вѣдь, и Петръ и Пушкинъ—такіе же оборотни. Способность къ превращеніямъ, перевоплощеніямъ изъ одного національнаго тѣла въ другое—есть тоже русская способность по преимуществу. «Быть русскимъ значитъ быть всечеловѣкомъ»,—говоритъ націоналистъ Достоевскій. И славянофилъ Тютчевъ какъ-будто отрекается отъ родины:

Ахъ, нѣтъ! Не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ...

И Герценъ, и Бакунинъ, и Вл. Печеринъ, и Л. Толстой и Вл. Соловьевъ—всѣ они, подобно Чаадаеву—«русскіе

бѣгуны», «странники», «здѣшняго града не имѣющіе, Вышняго Града взыскующіе».

Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія...

Въ нихъ во всѣхъ совершается тайна русской безродности, бездомности. Какъ будто измѣна родинѣ, а на самомъ дѣлѣ, наибольшая вѣрность ей. Въ нихъ, во всѣхъ совершается тайна русской всемірности.

Всемірность—не космополитизмъ, не международность—не блѣдная немочь, безкровность націи, а кровь ея, самая красная, самая жаркая; не отрицаніе народности, а ея утвержденіе высшее, ибо только во всемірности народность *исполняется*.

Да, всѣ они—самые русскіе изъ русскихъ людей.

Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны...

И самый ранній—Чаадаевъ. Самый несовременный своему времени, самый будущій.

«Совершается великій переворотъ... Рушится цѣлый міръ... Развѣ это не конецъ міра?»—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ Пушкину объ Іюльской революціи.

Каждый переворотъ всемірно-историческій есть горный перевалъ, откуда открывается послѣдній горизонтъ, конецъ всемірной исторіи—то, что христіанство называетъ «кончиною міра», «Апокалипсисомъ». Чувство всемірности и есть *«чувство конца»*.

Вотъ почему такая грусть и радость въ глазахъ Чаадаева. Какъ-будто они уже видятъ то, чего ничьи глаза еще не видѣли; какъ-будто уже отразилось въ нихъ видѣніе Конца.

И въ этомъ онъ—самый русскій изъ русскихъ людей. На вопросъ, что такое русскій народъ въ религіозномъ смыслѣ,—можно бы отвѣтить: народъ, наиболѣе предчувствующій «конецъ всемірной исторіи», наиболѣе ищущій

«всемирнаго соединенія людей» — Града Божьяго, Царства Божьяго.

«Adveniat regnum tuum. Да приидетъ царствіе Твое», — эту молитву всю жизнь твердилъ Чаадаевъ.

Въ наши дни — дни всемирнаго разъединенія людей, всемирной войны, — эта молитва — самая забытая, невнятная и какъ-будто ненужная. Но «мы не увидимъ спасенія, пока изъ нашихъ нѣдръ не исторгнется крикъ боли и раскаянія, отзвукъ котораго наполнить міръ», — эти слова Чаадаева можно бы повторить сейчасъ уже не только о Россіи, но и о всей Европѣ, о всемъ человѣчествѣ.

Вотъ почему такъ близокъ намъ сейчасъ этотъ странный человѣкъ съ блѣднымъ и нѣжнымъ, какъ изъ воску, лицомъ, съ глазами радостно-грустными и съ вѣчною молитвою на устахъ: Да приидетъ Царствіе Твое.